

УДК 81'373.231

Рыбина М.В.*Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)*

ТРАДИЦИЯ И ПРАКТИКА ИМЯНАРЕЧЕНИЯ ХРИСТИАН МУСУЛЬМАНСКОЙ КОРДОВЫ

Аннотация. В настоящей статье впервые в отечественной историографии анализируется ономастический материал, представленный именами христиан мусульманской Кордовы середины IX в. Автор рассматривает имена христиан Кордовы в контексте изучения вопроса о социально-политических условиях их сосуществования с иноверцами в новом исламском государстве Омейядов, переживающем период своего укрепления. Делается вывод о том, что часть христианского населения использовала собственные имена в борьбе за сохранение культурной идентичности как знак принадлежности к определенному социокультурному пространству.

Ключевые слова: ономастика, христианское население аль-Андалуса, культурная идентичность, движение добровольных мучеников, традиция имянаречения.

M. Rybina*Moscow State University of Mechanical Engineering (MAMI)*

THE NAMING OF CHRISTIANS OF MUSLIM CÓRDOPA: TRADITION AND PRACTICE

Abstract. For the first time in Russian historiography this article examines the practice of naming of Christians in Muslim Córdoba in mid-ninth century. The author studies the names of Christians to present the conditions of their co-existence with Muslims in a new powerful state of the Umayyads. The author has come to conclusion that part of Christians in Córdoba used their names in the struggle for the preservation of cultural identity as a mark of their otherness. *Key words:* onomastics, Christians of Al-Andalus, cultural identity, the movement of voluntary martyrs, the tradition of naming.

Влияние имени на судьбу человека признавалось поколениями наших предков. И сегодня родители, выбирая имя новорожденному, зачастую обращаются к различного рода справочникам за информацией о будущем характере ребенка, его особых способностях, предрасположенности к заболеваниям и т.п. Родители стараются выбрать имя так, чтобы оно было одновременно и модным, и оригинальным. Имя может

свидетельствовать о принадлежности человека к определенному социальному слою или отражать претензию на эту принадлежность; сохраняются династические имена, обычай нарекать детей именами известных деятелей искусства, спорта, политики.

В традиционном обществе имя играло еще более значимую роль в судьбе человека. Считалось, что оно содержит в себе определенный смысл, раскрывающий высшее предназна-

чение его носителя [9, p. 11–16]. Имя обязательно говорило о статусе человека, демонстрируя его принадлежность к определенному коллективу, корпорации и шире – социальному слою. В случае изменения социального статуса или необходимости представляться по-разному (например, в кругу семьи и при обращении к властным структурам) человек мог менять свое имя или использовать несколько имен. Особенно часто это происходило в сложные периоды социально-политических перемен, в полиэтничных и поликонфессиональных обществах, когда имя приобретало особый смысл в контексте самоопределения личности в системе принципиально новых или стремительно меняющихся координат. Имя могло спасти, открыв путь в новую социальную нишу, или погубить, став ярким признаком инаковости и чуждости, неприемлемости данному обществу. Ономастические данные (которые историк, к сожалению, нередко обходит вниманием) становятся интересным и подчас незаменимым материалом для изучения самых разных вопросов социальной истории¹.

¹ Возможности использования ономастических данных историком представлены в работах отечественных ученых Ю.Л. Бессмертного и П.Ш. Габдрахманова (Бессмертный Ю. Л. Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX века: Данные антропонимического анализа Сен-Жерменского полиптика // Средние века. М., 1980. Вып. 43. С. 32–52; Он же. К демографическому изучению французской деревни IX века. (Люди и имена) // Советская этнография. М., 1981. № 2. С. 51–67; Он же. Об изучении массовых социально-культурных представлений каролингского времени // Культура и искусство западноевропейского Средневековья. Материалы научной конференции (1980). М., 1981. С. 53–77; Он же. «Что в имени тебе моем?..» Семья и имя во Фландрии 12–13 веков // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать известные имена христиан мусульманской Кордовы середины IX в. и выявить некоторые социально-исторические условия сосуществования с иноверцами в едином пространстве нового исламского государства. Подчеркнем, что вопрос о сосуществовании христиан и мусульман аль-Андалуса давно стал классическим для национальной испанской историографии, предлагающей широкий спектр его разрешения. Тем не менее нам представляется крайне интересным дополнить эту палитру красок новыми оттенками, обусловленными привлечением материала ономастики, который не вызывал интереса исследователей ранее.

Отметим, что после арабо-мусульманского завоевания Пиренейского полуострова христиане еще некоторое время сохраняли свое доминирующее положение в обществе – они составляли большинство населения аль-Андалуса, их отличал особый административно-правовой и податный статус, свободное (с некоторыми ограничениями) отправление культа. Реформы эмира Абд-ар-Рахмана II (правил в 822–855 гг.), значительно укрепившие мусульманскую государственность и как следствие мусульманскую общину, изменили существовавшее положение дел. Начался резкий рост мусульманского населения, главным образом за счет обращавшихся в ислам христиан (по приблизительным оценкам, в 850 г. мусульманами являлось около 20–30

ни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000. С. 70–84; Он же. Имя и счастье в средневековой Фландрии // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2002. Вып. 4. С. 26–44 и др.).

%, в 961 г. – уже 50%)¹. Включение христианской общины в единую государственную и правовую систему эмирата предполагало отказ от политической автономии; понижался статус церковной организации, которая теряла свою самостоятельность и все больше ощущала на себе давление со стороны властей, стремившихся поставить ее на службу своим интересам.

После образования в аль-Андалусе независимого эмирата его столица превратилась в культурный центр всех «западных» мусульман. По инициативе эмиров в Кордову были перевезены книги из Дамаска, организованы богатейшие библиотеки. Особый расцвет переживали поэзия и музыка; складывалась самостоятельная юридическая школа. Культурная экспансия приводила к изменению в языковой ситуации. Арабский язык, официальный язык населения аль-Андалуса, а со временем и язык повседневного общения христиан с соседями-мусульманами, занял к середине IX в. место латыни в качестве языка культуры христианской общины. Менялся традиционный

¹ К сожалению, отсутствуют какие-либо точные количественные данные о соотношении мусульманского и христианского населения Кордовы в середине IX в. Согласно оценкам Р. Балиета, исследовавшего процессы обращения в ислам покоренных арабами народов на основании анализа источников биографического плана, в 850 г. мусульманами являлось около 20–30 % населения аль-Андалуса, в 961 г. – уже 50%. По мнению ученого, аль-Андалус пережил две крупные волны обращения в ислам: первую в период 816–913 гг. и затронувшую берберское население, вторую – в 1010–1203 гг., когда ислам принимали в основном христиане. Р. Балиет отмечал также, что процесс исламизации шел наиболее быстро в крупных городах и административных центрах (например, в Кордове). См.: Bulliet R. *Conversion to Islam in the Medieval period*. Camb.; Oxf., 1979. P. 114–127.

уклад христиан, в их жизнь входили мусульманская одежда, пища, развлечения, предметы быта и повседневного обихода. Все это стирало четкие границы между двумя основными конфессиональными группами населения Кордовы и ставило вопрос о путях сохранения собственной культурной идентичности христианами столицы нового мусульманского государства.

В распоряжении исследователей имеется довольно внушительный комплекс источников, рассказывающий о жизни христиан Кордовы середины IX в. Он представлен работами (агиография, мартирологи, трактаты, письма) кордовских христиан, двух близких друзей, пресвитера Евлогия и мирянина Альвара². На страницах своих работ Евлогий и Альвар воспевали подвиг т.н. добровольных мучеников – их современников, казненных мусульманскими властями по обвинению в презрительном отношении к исламу и проповеди христианской веры. Большинство из казненных христиан действительно добровольно в присутствии мусульманского судьи (кади) по примеру раннехристианских мучеников проповедовали обращение к Хри-

² Труды Евлогия и Альвара, опубликованные впервые в 1574 г. историографом испанского короля Филиппа II Амбросио де Моралесом, впоследствии неоднократно переиздавались. В настоящий момент наиболее основательным признается издание 1973 г. «Corpus scriptorum muzarabicorum» («Собрание сочинений мосарабов»), подготовленное в Мадриде одним из ведущих исследователей истории христиан мусульманской Испании (мосарабов) Х. Хиль Фернандесом. В сборник вошли все известные сочинения мосарабов VIII–IX вв., в том числе работы Евлогия и Альвара. Главным источником по истории добровольных мучеников считается работа Евлогия «Memoriale Sanctorum» («Памятная хроника святых»).

сту и объявляли пророка Мухаммада лжепророком. Погибшие христиане признавались единоверцами святыми мучениками, отдавшими жизнь в борьбе за сохранение веры и шире – собственной идентичности – в окружении «нечестивых» завоевателей¹.

Именно имена добровольных мучеников и их окружения (около 60 номинаций) составляют основу известных имен христиан Кордовы. С одной стороны, это несколько обедняет наше исследование, ограничивая его людьми определенной позиции, с другой, делает известный нам материал более релевантным – перед нами не случайная выборка, а конкретные данные из определенной социальной среды. Отметим еще раз, что целью нашего исследования является поиск новых граней социального взаимодействия христиан с мусульманами Кордовы; автор не претендует на всесторонний анализ их социально-политического положения в изучаемый период.

Сделаем еще несколько оговорок относительно имеющегося в нашем распоряжении материала источников. Работая с данными ономастики, не-

¹ События середины IX в. в Кордове, описанные Евлогием и Альваром, известны в историографии как движение добровольных мучеников. В большинстве случаев движение оценивается очень узко, как выступления небольшой группы радикально настроенных христиан, собственно добровольных мучеников. Автор настоящей статьи склонен рассматривать кордовские события более широко и трактовать их как движение христиан за сохранение своей культурной (в основе культуры – религиозная традиция) идентичности. Именно на период середины IX в. приходится интенсификация религиозной жизни христиан Кордовы; закладываются новые монастыри, в т.ч. семейные, идет работа в скипториях, формируется местная традиция почитания святых и т.п.

обходимо учитывать, что в средневековье человек, как правило, имел несколько собственных имен и прозвищ. Между тем наши источники указывают лишь одно имя, при этом выяснить, какие функции оно выполняло (бытовое имя, имя, полученное при крещении или используемое при обращении к властным структурам), служило ли оно для внешней или внутренней самоидентификации и как было получено человеком (принял сам, получил от родителей, прозван друзьями и т.п.), не всегда возможно. Кроме того, неизвестно, как в каждом конкретном случае Евлогий или Альвар получали информацию о том или ином мученике и, соответственно, о его имени – были лично знакомы с ним, опирались на рассказы третьих лиц, передавали городские слухи и др. Предположу, что если авторы знали несколько имен мучеников, они указывали только то, которое, на их взгляд, наиболее очевидно характеризовало человека как истинного христианина (то есть христианское имя и (или) полученное при крещении, постриге и т.п.). К сожалению, данные источников не позволяют определить, когда Евлогий и Альвар сознательно выбирали одно из известных им имен мученика.

Все герои Евлогия и Альвара носили типичные для средневековья латинские (реже греческие), варварские (германские) или христианские (библейские или имена почитаемых святых и мучеников) имена. Отметим, что в нашем случае речь идет о периоде до так называемой революции в антропимической системе, когда получила распространение практика ношения двойных имен, сокращалось их общее число, а варварские имена, популяр-

ные в раннее средневековье, вытеснялись христианскими именами [1]. Ввиду этого особый интерес представляет тот факт, что самыми распространенными именами участников движения были христианские имена. Часть их составляли библейские имена, такие как Исаак, Петр, Иеремия, Павел (последние три имени встречаются дважды), Мария, Хелия, Соломон, Елизавета, Иосиф, другие были именами святых – Исидор (имя святого Исидора Севильского), Мартин (имя святого Мартина Турского, широко почитаемого христианами Пиренейского полуострова). Некоторые христианские номинации образовывали формально имена латинского или греческого происхождения, но уже успешные образцы особыми смыслами, тесно связывающими их с христианской культурой. Некоторые из них подчеркивали моральные качества, христианские добродетели их обладателей – Санкций (от латинского *sanctus* – святой), Дигна (от латинского *digna* – достойная), Перфект (от латинского *perfectus* – совершенный), Феликс (имя встречается дважды, от латинского *felix* – счастливый, в христианском понимании – добрый христианин), Колумба (от латинского *columba* – голубка); другие отсылали к более глубоким смыслам – Анастасий (от греческого – воскресение), Христофор (от греческого – тот, кто несет Христа), Сервус Деи и Сервиодео (от латинского *servus Dei* – раб божий).

Почти все христиане, имевшие библейские имена, служили в церкви, являлись монахами или священниками городских храмов и монастырей (исключение составляли Санкции, один из Феликсов, Иеремия (последний учился в кордовском храме, но не при-

нял сан), Сервиодео и Соломон). Свои имена эти люди могли получить от родителей (как бытовое или при крещении), решивших отдать ребенка на обучение в храм, или выбрать себе сами при обращении в монахи, принятии священнического сана.

Имена латинского или греческого происхождения, не несущие в себе каких-либо особых смыслов, связывающих их с христианской традицией, представлены среди кордовских христиан менее широко – латинские имена Хабенций, Абундий, Флора, Аматор и др.; греческие имена Георгий, Артемия и др. Выделим также группу латинских или греческих имен, использовавшихся в соответствии с римской традицией как родовое имя (*nomen*) и как прозвище (*cognomen*) – Аврелий, Аурей, Эмила (греческое), Евлогий (греческое).

Остальные имена мучеников – Валлонс, Вистремунд, Сисенанд, Теодемир, Гумесинд, Леовигильд, Людовик, Витесинд и др. – были варварского происхождения. Такие имена носили как миряне, так и священники, монахи.

К сожалению, приведенные выше данные можно в очень незначительной степени дополнить сравнительным материалом. Как отмечалось ранее, все известные нам имена кордовских христиан принадлежали участникам движения мучеников; имена христиан общины столицы эмирата или других общин изучаемого периода практически не встречаются в источниках. Возможности обращения к ономастическому материалу вестготского периода, которое, вероятно, позволило бы проследить развитие или прерывание традиции имянаречения кордов-

ских христиан, также невелики – нет специальных работ по ономастике вестготской Кордовы (одном из центров расселения вестготов после их обоснования на Пиренейском полуострове) и ее округи, что во многом связано с отсутствием достаточного источникового материала. Тем не менее, отметим особо, что основу ономастических данных вестготского периода составляют имена латинского происхождения (перевес над германскими (готскими) именами сильно различается в зависимости от той или иной области полуострова, германские имена составляют от 11 до 50%) [3, 4], принадлежащие, как и в случае с христианами Кордовы, в основном клирикам или монахам. Христианские имена среди вестготских клириков практически не встречаются.

В движении добровольных мучеников принимало участие немало официальных мусульман, исповадовавших христианство тайно. Процесс исламизации населения Пиренейского полуострова шел непрерывно с момента его завоевания. Середина IX в. стала периодом значительного увеличения числа новообращенных мусульман. Стремление повысить свой социальный статус, обезопасить себя (например, желая избежать наказания за совершенное преступление), наконец, личные убеждения заставляли христиан отказываться от религии предков. Открыто вернуться к христианству впоследствии было уже невозможно, поскольку исламское право карало вероотступников смертной казнью.

В это же время увеличивалось число браков мусульман с представительницами иных конфессий [8, р. 6–33]. Дети, рожденные в результате таких

союзов, вне зависимости от их желания или желания родителей, считались мусульманами. Таким образом, в Кордове, помимо христианского населения, жили потомки завоевавших Испанию арабо-берберских племен, дети от смешанных браков, новообращенные мусалима (в христианских источниках – ренегаты) и их отпрыски мулади (мувалладун).

Все они носили достаточно нейтральные (в данном случае – нехристианские) имена – Флора, Аврелий, Сабиготона, Феликс, Лилиоза, Соломон и Леокриция и др. Имена, которые рассматривались нами как христианские – Феликс и Соломон – принадлежали новообращенным мусульманам, рожденным в христианстве; скорее всего, здесь Евлогий употреблял имена, данные им при рождении.

Очевидно, что официальные мусульмане должны были иметь помимо христианских имен (в данном случае имеется в виду любое неарабское имя – латинское, варварское или библейское) и арабские имена. Некоторые исследователи утверждают, что обычай ношения двойных имен существовал в середине IX в. и среди христианского населения [7, р. 23]. Мусульманское имя помогало христианину на бытовом уровне, а также в случае обращения в официальные инстанции. Данное утверждение опирается, в том числе и на сведения, представленные в сочинениях Евлогия и Альвара. Так, имена Сервиодео (араба по происхождению) и Сервуса Деи, по-видимому, являлись «переводом» арабского имени Абдалла. При этом, подчеркнем, принятие арабского имени вовсе не означало отказа от собственного «христианского» имени.

В подтверждении вышеобозначенного тезиса необходимо сказать несколько слов об имени официальной мусульманки, которую Евлогий называл Сабиготона. В тексте «*De translatione...*», повествующем о поездке двух послушников монастыря Сен-Жермен-де-Пре в земли аль-Андалуса и их возвращении в Париж с останками некоторых кордовских мучеников, она именуется Наталья (Natalia)¹. Опираясь на свидетельство Евлогия, предположим, что имя Сабиготона было дано девушке при тайном крещении ее отцом, но в городе ее знали как Наталью. Таким образом, официальная мусульманка носила два неарабских имени, причем имя Наталья было даже больше связано с христианской традицией (от латинского *natalia* – рождение, рождество), чем полученное ею при крещении имя Сабиготона. По-видимому, в данном случае особую важность имела не столько этимология имени, сколько то, что оно было дано девочке при тайном крещении, о котором знал лишь небольшой круг лиц.

¹ Текст «*De translatione ss. Martyrum Georgii monachi, Aurelii, Nataliae ex urbe Corduba Parisios*» («О перенесении мощей святых мучеников монаха Георгия, Аврелия, Наталии из города Кордовы в Париж»), составленный в середине IX в. монахом монастыря Сен-Жермен-де-Пре Аимоином. Источник посвящен поездке двух послушников этой обители Одиларда и Узуарда в Кордову. Текст состоит из двух частей, наибольший интерес представляет первая книга «*De translatione*», в которой описывается путешествие франкских монахов по Испании, их пребывание в Кордове, обстоятельства обретения мощей святых. Вторая книга рассказывает о чудесах, которые творили мощи святых на пути из Кордовы в Париж. Aimoinus. *De translatione ss. Martyrum Georgii monachi, Aurelii, Nataliae ex urbe Corduba Parisios* // Florez H. *España Sagrada. Teatro geográfico-histórico de la iglesia de España*. Vol. 10. Madrid, 1775. P. 532–565.

Подводя итог, отметим некоторые, на наш взгляд, принципиальные моменты. Прежде всего, следует говорить о размывании четких границ между двумя основными конфессиональными группами Кордовы. Подтверждением этой мысли служат сведения о «христианских» именах официальных мусульман среди участников кордовского движения. Наличие этих имен свидетельствует также в пользу того, что истинная религиозная принадлежность новообращенных до определенного момента не привлекала к себе пристального внимания общества. Напомним, что именно в середине IX в. резко увеличилось число неофитов, при этом принятие ислама зачастую было формальным и осуществлялось с целью избежать выплаты джизьи или добиться карьерного роста. По-видимому, власти изначально благосклонно относились к переходам в ислам и не проявляли большого интереса к искренности религиозных чувств новообращенных (за исключением каких-либо конфликтных ситуаций).

Такое положение вещей, с одной стороны, способствовало мирному и постепенному вхождению христианских общин в новое общество и государство, а с другой – пугало часть христиан, приводило к личностным конфликтам, кризису самоидентификации отдельных индивидов и социальных групп, их замыканию в себе и отказу от какого-либо социального взаимодействия. Появлялось стремление к подчеркнутой самоидентификации, которая проявлялась в выборе христианского имени – первого (с него начиналось знакомства с человеком) и самого главного знака принадлежности к определенной группе и ценностям.

Действительно, повторяющимися именами (и, вероятно, любимыми) добровольных мучеников были, как правило, библейские имена – апостолов Петра и Павла, пророка Иеремии, матери Иоанна Крестителя – Елизаветы; а также «говорящие» имена – Феликс и Сервус Деи. «Своим» именем могло стать также имя, полученное человеком при обстоятельствах, имевших особое значение – тайном крещении мусульманина, уходе в монастырь и т.п. Демонстрация приверженности определенным ценностям укрепляла самих христиан в правильности избранной позиции, напомнила себе и окружающим об инаковости в окружении завоевателей мусульман.

В исторической перспективе выбор кордовских мучеников не принес желаемых результатов. Их выступления привели к ужесточению политики властей по отношению к христианской общине, разрушению ряда храмов, массовой эмиграции христиан на север. На момент отвоевания Кордовы кастильским королем Фердинандо III Святым 1236 г. христиан в городе уже почти не осталось. Те христиане, которым удалось пережить мусульманское господство (например, в Толедо), перестали быть христианами в понимании добровольных мучеников – все они

говорили и писали на арабском языке, носили чужие арабские имена.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Габдрахманов П.Ш. Какими именами нарекали детей в Средние века: случай Фландрии [Электронный ресурс]. URL: <http://medieviste.livejournal.com/581601.html> (дата обращения 20.04.2014).
2. Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 253 с.
3. Alonso Ávila A. Aproximación a la época visigoda en el Territorio de la actual Provincia de Segovia // *Studia historica. Historia Antigua*. 2–3, 1984–85. – P. 271–290.
4. Alonso Ávila A. El impacto visigodo en la actual provincia de Ávila // *Antigüedad y cristianismo: Monografías históricas sobre la Antigüedad tardía*. 3, 1986. – P. 197–208.
5. Bulliet R. Conversion to Islam in the Medieval period. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1979. – 173 p.
6. *Corpus scriptorum muzarabicorum* / Ed. Gil Fernández J. – Madrid: CSIC, 1970–73. Vol. 1–2. – 765 p.
7. Daniel N. The Arabs and medieval Europe. – London: Longman, 1979. – 385 p.
8. Goody J. The development of the family and marriage in Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 308 p.
9. Lefebvre-Teillard A. Le nom. Droit et histoire. – Paris: Presses universitaires de France, 1990. – 247 p.